

Павел Бажов

Дорогое имячко

Это еще в те годы было. когда тут стары люди жили. На том, значит, пласту, где поддерново золото теперь находят.

Золота этого... кразелитов... меди... полно было. Бери, сколько хочешь. Ну, только стары люди к этому не свычны были. На что им? Кразелитами хоть ребятишки играли, а в золоте никто и вовсе толку не гнал. Крупинки желтеньки да песок, а куда их? Самородок фунтов несколько, а то и полпуда лежит, примерно, на тропке, и никто его не подберет. А кому помешал, так тот его сопнет в сторону - только и заботы. А то еще такая, слышь-ко, мода была. Собираются на охоту и наберут с собой этих самородков. Они, видишь, маленькие, а увесистые. В руках держать ловко и бьют емко. Присадит таким, так большого зверя собьет. Очень просто. Оттого нынче и находят самородки в таких местах, где бы вовсе ровно золоту быть не должно. А это стары люди разбросали, где пришлось.

Медь самородну, ту добывали маленько. Топоры, слышь-ко, из нее делали, орудию разную. Ложки-поварешки, всякую домашность тоже. Гумешки-то нам от старых людей достались. Только, конечно, шахты никакой не били, сверху брали, не как в нынешнее время.

Зверя добывали, птицу-рыбу ловили, тем и питались. Пчелы дикой множина была. Меду-сколько добудешь. А хлеба и званья не было. Скотину: лошадей, напримерно, коров, овцу - не водили.

Понятия такого у них не было.

Были они не руськи и не татара, а какой веры-обычая и как прозывались, про то никто не знает.

По лесам жили. Одним словом, стары люди.

Домишек у них либо обзаведенья какого - банешек там, погребушек - ничего такого и в заводе не было. В горах жили. В Думной горе пещера есть. С реки ход-от был. Теперь его не видно, - соком завалили. Поди, сажен уж на десять. А самоглавная пещера в Азов-горе была. Огромнейшая - под всюе гору шла. Теперь ход-от есть, только обвалился будто маленько. Ну, там дело тайное. Об этом и сказ будет.

Вот живут себе стары люди, никого не задевают, себя сильно не оказывают. Только стали по этим местам другие народы проявляться. Сперва татара мимо заездили: по подгорью от Думной горы к Азов-горе тропу протоптали. С полдня на полночь, как из оружия стрелено. Теперь этой тропы не знатко, а старики от дедов своих слыхали, будто ране-то видно было. Широкая, слышь-ко, тропа была, чисто трахт какой, без канав только.

Ну, ездят и ездят татара. В одну сторону одни товары везут, в другу-други, а насчет золота ничего. Видно, сами не толкуют, либо случая такого не подошло. Стары люди сперва прихоронились.

Потом видят, - никто их не задеват-стали жить потихоньку. Птицу-рыбу полавливают, золотыми камнями зверя глушат, медными топорами добывают.

Вдруг татара что-то сильно закопошились. Целыми утугами на полночь пошли, и все с копьями, с саблями, как на войну. Мало спустя обратно побежали. Гонят, свету не видят. А это Ермак с казаками на Сибирь пришел и всех тамошних татар побил. Которые пособлять своим приходили, и тех до смерти перепугал. Как дело тогда внове было - из оружия стрелять, татара этой стрельбы и забоялись.

Казаки, слышь-ко, ране вольные были, и на Сибирь они уж проданные пришли. Купцам продалися, а царь их во все задарил. Набольшему - Ермаку-то - свою серебряную рубаху царь послал. Так Ермак той рубахи с себя не сымал. Гордился, значит. Так и утоп в ей - в царском-то подаренье. Как умер Ермак, тут баловство и развелось. Ну, мало ли худых людишек к казакам налипло. Они и давай хозяйевать, как кому любо. Возьмут, кого им надо, за горло.

Подавай того-другого. Баб хватают, девчонок, вовсе подлетков и протча. Одним словом, баловство развели -хуже некуда. Одна такая ватажка и объявилась в здешних местах. Небольшая

ватажка,-пеши пришли; а вожак, видать, грабастенькой попался. Эти сразу золото сметили. Хватовщина пошла, чуть до смертоубойства не дошло. Потом образумились, видят - золота много, с собой не унесешь. Что делать? Туда-сюда зачали соваться, нет ли где жила близко, лошадей добыть. И набежали так-то на старых людей. Сейчас спрашивать, конечно:

- Что за народ? Какой веры-племени? Какому царю ясак даешь? - Стали так-то наступать на старых людей. Те им свое маячат,- дескать, ваша нам не нужна, наша вам не мешает, - проходите мимо. Казачишки опять на испуг берут. Из оружия - пальнули. Стары люди испужались, - в гору побежали. Казачишки за ими, думают так и есть -победили, а не тут-то было. Стары люди смелые были. Это они сперва только испужались. Думали, огонь, напримерно, с неба. Ну, потом отошли. И здоровые были. Добежали, значит, до пещеры своей, да как начали казачишек золотыми камнями пушить, знай, держись. Чуть не всех заколотили, казаков-то. Двое либо трое все ж таки убежали. А стары люди и гнаться за ими не думали. Утурили - и ладно. Пушай- де идут, куда им надо. Лишь бы к нам больше не лезли. Подивились на убитых, что у них нахватано у каждого желтых камешков через число, как только тащили экую тягость, а того не смекнули, на что им эти камни. По-своему думали, что тоже для бою набрали. Осмотрели оружия убитых, а одно было заряжено. Вот один из старых людей вертел, вертел оружие-то, копался, копался, оно и пальнуло. Сполоху наделало, самого маленько, ушибло, а никого не убило. Тут стары люди и домекнули, что это не с неба огонь. Стали доходить, как бы еще пальнуть. Оснимали мертвых, все перешупали, осмотрели, обнюхали. Порох нашли, свинец рубленый, а что к чему, так и не добрались. А те трое-то, которые убежали, вышли-таки к своим. Обсказали своему начальнику - напали, - дескать, на нас незнакомые люди и чуть не всех побили; трое вот только и выбежали.

Начальник, - может, он пьяный был, - "ладно", - говорит. Время, конечно, военное, - Сибирь покоренье-то. Мало ли всяких случаев было. Побили и побили. На том дело и заглохло. А про золото те не сказали. Думают, так и есть - погуляем, потешимся. Только золото, оно и золото. Хоть веско, а само кверху лезет. Его, видишь, первым делом разменять требуется. Тут они оха и поймали.

Хватали самородки покрупнее, а как с таким объявишься? Сейчас спросы- расспросы, где взял... Догадались все-таки. Раскрошили самородки на мелочь, да и понесли купцам продавать. А уж таиться стали один от другого. Известно, золото. Один к одному купцу пришел, другой к этому же и третий тоже. Да так всех купцов и обошли. Купцы, конечно, - с полным нашим удовольствием. Деньги, значит, дают, а сами примечают. Денег наменяли - куда их? Оделись перво-наперво, как только кто удумал, и занялись пьянством да гулянкой. Из кабака, напримерно, не выходят и кого доходя поят. Ну, другим казакам и стало подозрительно, - откуда у людей такие деньги? Стали дознаваться, а у пьяных долго ли... Вывели все до тонкости и тоже ватажку сбивать стали: за золотом, значит, сходить.

Не все, конечно, казаки одинаковы были. Один, - не знаю, как его звать- величать, - из Соликамска к ним пристал. Пошел за хорошей жизнью, а видит, тут грабеж да пьянство, и отшатился от казаков.

Услышал, что опять собираются грабить, и стал их совестить:

- Как, дескать, вам не стыдно. Раньше купцов да бояр оглаживали, а теперь что? У здешнего народу с кровью рвать да купцам барыш давать? Так, что ли?

Тем, конечно, не по носу табак, а как все сооруженные, то сейчас у них свалка пошла, с саблями и другой орудией. Ну, соликамской-от этот парень проворный был, удалой. Ото всех отбил, только сильно его изранили. Он в лес и убрался, чтобы его не нашли. Леса страшные были - где найдешь! Побегали-побегали казачишки, пошумели и разошлись, а тот, раненый-то, думает, как дальше быть? Показаться в жиле -навверняка убьют, а то и под палача подведут - за разговор-от. Вот и

придумал:

- Пойду к тем людям, которых грабить собираются. Упрежу их.

Дорогу он понял, куда то есть итти собирались. Путь все ж таки не ближняя, а запасу у него, например, никакого. Отощал в дороге, да еще и раны донимают. Еле идет. Полежит-полежит и опять плетется. У самой Азов- горы - вот у того места - совсем свалился.

Увидали стары люди - чужестранный человек лежит, весь кровью измазанный, и оружие с им. А бабы набежали первые-то. Баба, известно, у всякого народа жалостливее и за ранеными ходить любит. Тут еще девка случилась, ихнего старшины дочь. Смелая такая, расторопная, хоть штаны на такую надевай. И красивая-страсть. Глаза, как угольки, щеки, как розан расцвел, коса до пяток и вся протча в полном аккурате. Лучше нельзя. Плясать первая мастерица, а ежели песню заведет с переливами, ну... Одним словом, любота. Одно плохо, - сильно большая была. Прямо сказать, великанша. И как раз девка на выданье. Восемнадцатый год доходил. Самая, значит, пора. Ну, ей и приглянулся, видно, пришлый-то. А он тоже, по-нашему, мужик рослый был. Из себя чистый, волосом кудрявый, глаза открытые. Ей и любопытно стало. Пока другие бабы охали да ахали, эта девка сгребла раненого в охапку, притащила в пещеру и давай за им ходить - водой там смачивать, раны перевязывать. Отец, мать ничего, будто так и надо. Соседи тоже помалкивают и помогают, подают то - другое. Бабам, вишь, жалко, а у мужиков свое на уме: не научит ли, как огонь пуцать. Раненый мало-помалу оклемался. Видит, какие-то вовсе незнамые люди. Рослые против наших и по-татарски бельмень. Сам-то он марковал маленько по- татарски. На то и надеялся, когда шел в эти места. Ну, делать нечего, стал маяками дознаваться, как и что они прозывают. Учиться, значит, стал по- ихнему. А девка от его не отходит, прямо прилипла. И он тоже человек молодой, к ей тянется. Попрava, однако, плохо идет. Главная причина - хлебушка у их не было. Притащит это ему девка пици самолучшей. Рыбы, мяса наставит, меду чашку вскрай полнехоньку, а его с души воротит. Ему бы хоть яшничка ломток. Просит у ей, а она не понимает, какой есть хлеб. Заплачет даже. Это она-то. Известно, русьскому человеку без хлебушка невозможно. Какая уж тут поправа. Ну, все ж таки ходить стал и к разговору мало-мало обык, а девка обратно от его русьский разговор переняла, да так скоро, что просто удивленье. Такая уж удачливая была и, видать, не простая. Тайная сила в ей, видно, гнездовала.

Стал -это он - соликамской-от - ходить. Оглядел всю местность, показал, как с оружием поступать, и весь устаном объяснил, что и как.

- Эти, - говорит, - камни желтые, крупа, песок и зелененькие стеклышки - это есть вредное для вас. Купцы раз унюхали, они уж спокою не дадут. А до царя дойдет - и вовсе житья не станет. Вы, - говорит, - вот что сделайте. Камни эти, самородки-то, значит, куда с глаз уберите. Хоть вон в Азов-гору стаскайте. И кразелиты туда же сгребите. А крупу и песок зарыть надо. Снизу черной земли выворотить, чтобы травой заросло. А пока все это не угоите, никаких чужестранных близко не подпускайте... Чтобы нечаянно не пришли, поставьте, - говорит, - на Думной горе и на Азов-горе караулы надежные. Пуцай досматривают по дороге, не идет ли кто, а как заметят чужестранного, пуцай знак подают - костерок запалят...

Девка все это растолмачила своим. Они видят, человек для их старается - послушались. Караулы поставили, как он сказал, а сами занялись самородное золото да кразелиты подбирать да в Азов-гору стаскивать. Штабеля наворотили - глядеть страшно, и кразелитов насыпали, как угольну кучу. Потом оставшую крупу и песок зарыли, а чужих на то время близко не подпускали. Увидят с Азов-горы либо с Думной, кто идет, едет ли, - сейчас знак подадут, огнем, значит. Все и бегут, в которую сторону надо. Навалятся и в одночасье прикончат. Прикончат и в землю зароят. Оружьев они уж тогда не боялись. Только ведь золото-то человеку, как мухе патока. Сколь ни гинут, а пуце лезут. Так и тут. Много людей сгинуло, а другие идут да идут. Это, значит, слушок про золото дальше да

дальше идет. Кто-то, видно, до царя дотолкал. Тут вовсе худо стало - с пушками полезли. Со всех сторон напирают. Даром, что лес страшный, нашли пути-дороги.

Видят стары люди - дело неминуемое, сила не берет. Пошли к раненому-то посоветоваться, как дальше быть-поступить. А он на то время на Думной горе был. Для воздуха его девка-то туда притащила, как он вовсе слабый стал. Азов-гора, она сроду в лесу, а на Думной-то на камнях ветерком обдувает. Девка и таскала его. Отходить его все охота было.

Думали они тут целых три дня. Оттого и гора Думной зовется. Раньше по- другому как-то у ей имя было. Обмозговали все по порядку и придумали переселиться на новые места, где золота совсем нет, а зверя, птицы и рыбы вдосталь. Он же надоумил - соликамской-от - и рассказал, в котору сторону податься. На этом дело решили и в путь-дорогу сряжаться стали. Хотели стары люди этого своего радельца с собой унести, да он не пожелал.

- Смерть, - говорит, - чую близкую, да и нельзя мне. - Почему нельзя, этого не сказал. А девка объявила:

- Никуда не пойду.

Мать, сестры в рев, отец пригрозить стал, братья уговаривают:

- Что ты, что ты, сестра! Вся жизнь у тебя впереди.

Ну, она на своем стоит:

- Такая моя судьба-доля. Никуда от своего милого не отойду.

Сказала, как отрезала. Кремень-девка. По всем статьям вышла. Родные видят - ничего не поделаешь. Простились с ней честно-благородно, а сами думают - все равно она порченная. У которой ведь девушки жених умирает, так та хуже вдовы. На всю жизнь у ей это горе останется. Вот ушли все, а эти вдвоем в Азов-горе остались. Людишки уж со всех сторон набились в те места. Лопатами роют, друг дружку бьют. Раненый-от вовсе ослаб. Вот и говорит своей нареченной:

- Прощай, милая моя невестушка! Не судьба, знать, нам пожить, помилиться, деток взростить.

Она, конечно, всплакнула женским делом и всяко его уговаривает:

- Не беспокой себя, любезный друг. Выхожу тебя, проживем сколь-нибудь.

А он опять ей:

- Нет уж, моя хорошая, не жилец я на этом свете. Теперь и хлебушком меня не поправить. Свой час чую. Да и не пара мы с тобой. Ты вон какая выросла, а я супротив тебя ровно малолеток какой. По нашему закону-обычаю так-то не годится, чтобы жена мужа, как ребенка, на руках таскала. Подождать, видно, тебе причтется- и не малое время подождать, когда в пару тебе в нашей земле мужики вырастут.

Она это совестит его:

- Что ты, что ты! Про такое и думать не моги. Да чтоб я, кроме тебя...

А он опять свое:

- Не в обиду, - говорит, - тебе, моя милая невестушка, речь веду, а так оно быть должно. Открылось мне это, когда я поглядел, как вы тут по золоту без купцов ходите. Будет и в нашей стороне такое времячко, когда ни купцов, ни царя даже званья не останется. Вот тогда и в нашей стороне люди большие да здоровые расти станут. Один такой подойдет к Азов-горе и громко так скажет твое дорогое имячко. И тогда зарой меня в землю и смело и весело иди к нему. Это и будет твой суженый. Пушай тогда все золото берут, если оно тем людям на что-нибудь сгодится. А пока прощай, моя ласковая.

Вздыхнул в остатный раз и умер, как уснул. И в ту же минуту Азов-гора замкнулась.

Он, видать, неспроста это говорил. Мудреный человек был, не иначе, с тайной силой знался.

Соликамски-то, они дошлые на эти дела.

Так с той поры в нутро Азов-горы никто попасть и не может. Ход-от в пещеру и теперь знатко,

только он будто осыпался. Пойдет кто, осыпь зашумит, и страшно станет. Так впусе гора и стоит. Лесом заросла. Кто не знает, так и не подумает, что там, в нутре-то.

А там, слышь-ко, пещера огромная. И все хорошо облажено. Пол, напримерно, гладкий-прегладкий, из - самого лучшего мрамору, а посредине ключ, и вода, как слеза. А кругом золотые штабеля понаторканы как вот на площади дрова, и тут же, не мене угольной кучи, кразелитов насыпано.

И как-то устроено, что светло в щещере. И лежит в той пещере умерший человек, а рядом девица неописанной красоты сидит и не утыхаючи плачет, а совсем не старится. Как был ей восемнадцатый годок в доходе, так и остался. Охотников в ту пещеру пробраться много было. Всяко старались. Штольни били - не вышло толку. Даже диомит, слышь-ко, не берет. Хотели обманом богатство добыть. Придут это к горе, да и кричат слова разные, как почуднее. Думают, не угадаю ли, дескать, дорогое имячко, которое само пещеру откроет.

Известно, дураки. Сами потом как без ума станут. Болбочут, а что - разобрать нельзя. Имена, слышь-ко, все выдумывают. Нет, видно, крепкое заклятие на то дело положено. Пока час не придет, не откроется Азов-гора. Одинова только знак был. Это когда еще батюшка Омельян Иваныч объявился и рабочие на Думной горе собираться стали. Так вот старики наши сказывали, будто на то время из Азов-горы как песня слышалась. Розно мать с ребенком играет и веселую байку поет.

С той поры не было. Все стонет да плачет. Когда крепость сымали, нарочно многие ходили к Азов-горе послушать, как там. Нет, все стонет. Еще ровно жалобнее.

Оно и верно. Денежка похуже барской плетки народ гонит. И чем дальше, тем ровно больше силу берет. Наши вон отцы-деды в мои годы по печкам сидели, а я на Думной горе караул держу.

Потому каждому до самой смерти пить-есть охота.

Да, не дожждаться мне, вижу, когда Азов-гора откроется... Не дожждаться! Хоть бы песенку повеселее оттуда услышать довелось.

Ваше дело другое. Вы молоденькие. Может, вам и посчастливит - доживете до той поры.

Отнимут, поди-ка, люди у золота его силу. Помяни мое слово, отнимут! Соликамской-от с умом говорил. Кто вот из вас доживет, тот и увидит клад Азов-горы. Узнает и дорогое имячко, коим богатства открываются. Так-то... Не простой это сказ. Шевелить надо умишком-то, - что к чему.